

Даже при том, что физическая выносливость Юэ Синхэ была S-класса, это не делало его неуязвимым. Он уже истратил львиную долю сил в предыдущих боях; затем по нему один за другим прошлись ударные волны — взрыв, ещё взрыв, ещё... и, словно этого было мало, на спину навалились десятки тонн обломков, а то и сотня. При таких цифрах S-класс — не броня бога, а всего лишь шанс выжить, причём шанс далеко не гарантированный.

И именно в этот момент, как назло, вернулась старая напасть: вспышка раздражённой, буйной психосилы. Если не придавить её прямо сейчас, она разрастётся лавинообразно — и тогда эта огромная, бесконтрольная мощь просто перемелет всё вокруг в крошево, превратит камень и металл в стружку и пыль.

Юэ Синхэ был ранен: голова рассечена, кровь течёт; на спине взрыв разорвал кожу и мышцы, а после — тяжесть обломков довершила своё, наложив новую травму на прежнюю. Ситуация становилась по-настоящему опасной.

— Ты слышишь меня? Скажи хоть что-нибудь! — требовательно, почти умоляюще позвал Линь Луси.

Ответа всё не было, и это пугало больше темноты. Он не понимал, в каком они положении, насколько всё плохо, сколько ещё выдержит этот шаткий «карман» под завалом.

Линь Луси протянул руки и начал ощупывать Юэ Синхэ — осторожно, но настойчиво, пытаясь на ощупь собрать картину повреждений: где болит, где течёт, где сломано.

Пальцы наткнулись на лицо — и тут же на ладонях осталось скользкое, тёплое: кровь. Линь Луси на мгновение застыл. Затем, стиснув зубы, продолжил — от лица вниз, по груди, по ребрам, проверяя, не разбито ли дыхание, не сбита ли грудная клетка.

Если бы здесь был свет, Линь Луси увидел бы, что глаза Юэ Синхэ налились красным, а в глубине взгляда горит то, что он едва удерживает: бешенство, злое и почти животное. Сдерживаемая буря.

И самое страшное заключалось в том, что руки Линь Луси, это касание — честное, заботливое, направленное на спасение, — действовали на Юэ Синхэ как искра на сухой порох. Психосила, и так бьющаяся в стенки внутренней «клетки», начала ударять ещё сильнее, яростнее, чаще; ментальный барьер, ежедневно испытываемый на прочность, становился всё тоньше, всё хрупче.

Ещё немного — и он лопнет.

И тогда огромная, океаническая психосила, вырвавшись наружу, пойдёт крушить всё вокруг — без разбора, без цели, только с одной жадью: ломать, рвать, уничтожать...

Глава 21

Линь Луси нащупал на спине Юэ Синхэ то, что придавливало его сверху: грубые, острые, шершавые обломки — будто каменные плиты и арматура легли на него ребром.

Линь Луси не был глуп. Он почти сразу понял главное: Юэ Синхэ сейчас делает то, что Линь Луси сам хотел сделать секунды назад, но не успел.

Он держит на себе завал, вытаскивая для Линь Луси крошечный, узкий, но жизненно важный «карман воздуха» — крошечное пространство, где можно дышать и не быть раздавленным насмерть.

Линь Луси редко бывал сентиментален, но сейчас — да, его всё же пробило. В груди разлилось чувство странное и тяжёлое, будто сердце опустили в тёплую воду: одновременно и согревает, и щиплет, и распирает.

Глаза обожгло, в носу появилась кислота — едва уловимая, но предательски настоящая.

И решение пришло мгновенно: меньше секунды — и он уже знал, что будет делать. Линь Луси стиснул зубы: плевать, что его разоблачат. Он вытащит «семя», пустит силу, залечит Юэ Синхэ — пусть потом хоть допрашивают. Сейчас важнее выжить.

Юэ Синхэ тем временем, удерживая психосилу, держался почти на одной голой воле: мышцы его стали каменными, твёрдыми, как железо, руки едва заметно дрожали от напряжения — дрожали не от слабости, а от того, что предел уже близко.

Где-то снаружи вдруг раздался крик — чужой, обнадеживающий, прорывающийся сквозь завал:

— Нашли! Они здесь!

Почти сразу Линь Луси услышал знакомые голоса — крики о помощи, резкие, прерывистые, и в них, как всегда, проступала злость Гао Кэюнь.

Сердце Линь Луси дёрнулось: помощь действительно рядом. Он набрал воздуха и закричал:

— Мы здесь! Здесь!

Юэ Синхэ, кажется, захлебнулся кровью — в горле защекотало, и с губ сорвался хриплый звук:

— Кх...

Он повернул голову в сторону, даже сейчас думая о том, чтобы не выплеснуть кровь на лицо человека под ним. Затем из самой глубины груди выдавил — уже не просьбу, а приказ, тяжёлый, звериный:

— Уходи... быстро!

Он действительно был на грани. Психосила, наконец, начала крошить барьер.

И тогда Линь Луси, не раздумывая, обеими ладонями взял Юэ Синхэ за лицо, как берут, чтобы человек услышал и почувствовал, и сказал тихо, почти ласково:

— Юэ Синхэ... нас уже спасают. Всё будет хорошо. Ты не умрёшь.

И произошло невозможное.

Та психосила, которая секунду назад разламывала клетку, готовая вырваться наружу убийственной бурей, вдруг... как будто захныкала беззвучно — и размякла, стала мягкой, послушной, словно мокрая верёвка. Слово новорождённый, который только что перестал кричать, потому что его взяли на руки.

Если бы у психосилы было сознание, она, вероятно, сейчас бы пискнула по-детски: что это... почему так... тепло... так правильно...

Юэ Синхэ тоже был ошеломлён.

Кризис, который после перерождения он давил в себе ежедневно, который не умел распутать и обезвредить, — исчез на миг, растворился от одного простого, человеческого жеста.

Он не упустил шанс: тут же, пока психосила была удивительно «тихой», быстро восстановил внутренний барьер и загнал её обратно — как дикого зверя в клетку, но на этот раз зверь неожиданно не сопротивлялся.

Через несколько минут сверху начали убирать обломки. В щель пролился свет. Линь Луси прищурился, болезненно моргнул — и ему показалось, что над головой Юэ Синхэ дрожит золотистый ореол, будто свет запутался в его волосах.

А затем всё резко потяжелело.

Юэ Синхэ, почувствовав, что давление на спину ослабло и их действительно вытаскивают, наконец отпустил себя: глаза закрылись, и он тяжело, всем весом рухнул на Линь Луси.

— Юэ... Юэ Синхэ... — выдохнул Линь Луси, растерянно толкнув его плечо.

Ответа не было.

Снаружи гудели спасательные мехи, раздвигали бетон и металл. Линь Луси вцепился в одежду на спине Юэ Синхэ и, прикрывшись суетой, осторожно «прощупал» его состояние своей силой — тихо, незаметно. И только тогда немного отпустило: да, плохо, но не безнадежно.

Их быстро вытащили из завала.

Линь Луси казалось, что они пролежали там вечность, но на деле прошло меньше часа. Будущее, со всей своей технологией, спасает действительно стремительно.

Снаружи всё ещё было шумно и рвано: крики зрителей, команды охраны, ругань руководства, вопросы журналистов, которые ещё недавно ждали интервью у чемпиона, — всё смешалось в один оглушающий ком.

Полиция прибыла и вместе с охраной начала уводить людей и разруливать поток. Постепенно ситуация стабилизировалась, и зрителей организованно вывели по аварийным выходам.

А тех, кто оказался в эпицентре взрыва, — Линь Луси и его группу — срочно отправили в университетскую больницу на обследование.

В толпе на периферии Чжоу Цзыхэн увидел, как Линь Луси уводят, и сжал кулак. Лицо его стало серым.

Он рассчитывал иначе.

Остальные были минимум В-класса по телу: да, их могло прижать, да, могли быть порезы и ушибы — но не смертельно. Линь Луси же, по всем расчётам, должен был погибнуть именно из-за своей «мусорной» физподготовки.

Но Линь Луси выглядел почти невредимым.

А Юэ Синхэ, напротив, казался пострадавшим сильнее — хотя, казалось бы, если бы он захотел, он мог бы избежать серьёзных травм.

У Чжоу Цзыхэна всё внутри пошло вразнос: провал плана сжёг способность мыслить хладнокровно. В голове осталась одна мысль — липкая, мучительная:

Неужели Юэ Синхэ и правда считает Линь Луси своим человеком? Своим другом?

Лицо Чжоу Цзыхэна дёрнулось от злой, кислой зависти — будто он разом проглотил килограмм лимонов.

Их привезли в «университетскую больницу». Только называлась она так условно: по оснащению и уровню специалистов это место вполне могло соревноваться с лучшими клиниками столицы.

На лице Линь Луси всё-таки была кровь. Врачи и медсёстры сразу окружили его, потянулись к нему с приборами, но он оттолкнул их руки:

— Со мной всё нормально. Это не моя кровь. Юэ Синхэ ранен — идите к нему.

— Им занимается другая бригада, — спокойно, но твёрдо сказала медсестра. — А вы сейчас будете сотрудничать с нами.

Линь Луси слегка нахмурился, но, увидев, что у койки Юэ Синхэ действительно толпятся специалисты, заставил себя успокоиться.

Заключение появилось быстро.

Юэ Синхэ пострадал сильнее остальных: поверх уже полученных в финале ушибов и лёгких внутренних повреждений он попал под ударную волну и жар, а затем на его спину легла чудовищная тяжесть — десятки тонн, может, больше.

И вот парадокс: у него было лучшее тело — и при этом он оказался самым тяжёлым пострадавшим.

Остальным достались лёгкие травмы: порезы, ушибы, где-то микротрещины, плюс лёгкое сотрясение.

Впрочем, даже тяжёлое здесь лечили быстро: лечь в капсулу — и через несколько часов выйти почти целым. Спасибо технологиям.

Но мозг — другое. В такую ткань аппараты не лезут грубо: сотрясение приходится лечить медикаментами и временем. Поэтому всех оставили в палатах отдыхать, и время от времени по коридору прокатывались звуки рвоты — то тут, то там, волнами.

Гао Кэюнь, давась, всё равно пыталась ругаться:

— Чёрт... кх... если я узнаю, кто это устроил... кх...

Элиза, обычно холодная и идеальная, лежала с нахмуренными бровями, жалкая и прекрасная, но в конце концов тоже не выдержала — склонилась над краем кровати и вывернулась так, что вся её «величественность» испарилась без остатка.

Крис и Цинь Хао переносили легче: голова кружилась, мутило, но они были дальше от эпицентра.

Линь Луси, хоть и не был ранен, тоже оказался уложен на койку «на всякий случай». Он не мог же сказать: «я уже вылечил сотрясение своей способностью». Полежал, подождал — и чем дольше ждал Юэ Синхэ, тем сильнее внутри поднималось беспокойство.

Он остановил проходившую медсестру:

— Где Юэ Синхэ?

— У него особый случай, — ответила она, торопясь. — Он без сознания и пока не пришёл в себя. Но не переживайте: его ведёт лучший нейрохирург страны. Всё будет хорошо.

Она убежала, не дав ему задать ещё вопросы. Остальные даже не расслышали — им было слишком плохо от сотрясения. А даже если бы и услышали, скорее всего, махнули бы рукой: Юэ Синхэ же двойной S, да что ему сделает «какой-то взрыв»?

Линь Луси сорвал с себя одеяло, встал, вышел в коридор и, расспросив ещё раз, нашёл нужную палату.

Он остановился у прозрачного окна и посмотрел внутрь: Юэ Синхэ лежал на постели, с маской кислорода, выражение лица спокойное — по крайней мере снаружи.

Линь Луси сам не заметил, как начал ковырять ногтем стекло — маленький, бессмысленный жест тревоги. Потом вдруг увидел в стекле своё отражение: лицо как будто чужое, взгляд растерянный... и, если присмотреться, напуганный.

Он потер глаза, затем сильно растёр щёки ладонями, постоял, неподвижно уставившись в одну точку, и только после этого сел на жёлтый стул ожидания у стены.

Он опустил голову. Видна была лишь серебряная макушка — всё лицо спряталось в тени.

Глава 22 (начало)

Позже руководство университета пришло справиться об их состоянии, сказала несколько дежурных слов поддержки — и снова поспешило уйти: на месте происшествия оставалась гора дел.

Вскоре явилась и полиция: их спрашивали, не было ли у них конфликтов, не нажили ли они врагов. И тут Гао Кэюнь с остальными почти одновременно подумали об одном и том же: если кто и умеет «обрастать» противниками, так это Линь Луси.

Из-за этого Линь Луси допрашивали особенно долго.

Наконец один из полицейских, помолчав, спросил:

— Хорошо. А если не старые враги — замечали ли вы в последнее время что-то странное? Людей, ситуации, любые мелочи, которые казались вам подозрительными?

Линь Луси внешне оставался спокойным, но в голове у него всё ещё был беспорядок. Он уже собирался отмахнуться — «нет, ничего» — лишь бы поскорее закончить... и вдруг его словно осенило.

— Странное было, — сказал он. — Сегодня я видел Чжоу Цзыхэна у двери комнаты отдыха. Он стоял там как-то... слишком уж подозрительно.

Полицейский записал и уточнил:

— Вы видели, что он конкретно делал?

— Нет, — Линь Луси покачал головой. — Но он явно нервничал. Пара фраз — и он убежал.

Полицейский кивнул:

— А какие у него с вами отношения? Вы общаетесь? Враждуете?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605971>